

ИДЕИ И ЧИСЛА

Коллектив авторов

**Идеи и числа. Основания
и критерии оценки
результативности философских и
социогуманитарных исследований**

«Прогресс-Традиция»

2016

УДК 87
ББК 02.01

Коллектив авторов

Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Коллектив авторов — «Прогресс-Традиция», 2016

ISBN 978-5-89826-448-2

Что такое «результат» в философии, в гуманитарном знании, можно ли его измерять и оценивать так же, как в позитивной науке? Какие ограничения при этом необходимо иметь в виду, оценивая результат, а тем более принимая управленческие и даже политические решения, касающиеся науки? Как можно сделать такого рода оценки более корректными? Насколько можно доверять зарубежным базам данных, их репрезентативности в отношении российских исследований? Эти и ряд смежных вопросов поставили перед собой авторы данного издания.

УДК 87
ББК 02.01

ISBN 978-5-89826-448-2

© Коллектив авторов, 2016
© Прогресс-Традиция, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Раздел I	9
Глава 1	9
1. Установление и разрыв дистанции с предметом	9
2. Внешняя оценка результативности как дисциплинарная техника	10
3. Регулярная отчетность и защита от прессинга как философско-методологическая коллизия в науке	12
4. Специфика социогуманитарного знания с точки зрения анализа его ценности и оценки результативности исследований	15
5. Особенности жизни философского и гуманитарного текста. «Расширенное воспроизводство» и «негативная герменевтика»	17
6. Философия в истории знания. «Ценность изделия» и «модели прогресса»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований

«Всякий заблуждающийся философ подобен маяку на рифах, он говорит морякам: плывите подальше от меня; он позволяет людям... выявлять ошибки, от которых они страдают, полно осознавать их и бороться против них. И в этом состоит существенная потребность общества, поскольку оно... общество личностей, наделенных интеллектом и свободой».

Маритен Ж.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 15-03-16032

© Коллектив авторов, 2015 © Прогресс-Традиция, 2015

А.В. Рубцов

Вместо предисловия

Эта книга является итогом трехлетней работы по реализации проекта РГНФ «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований». И сейчас, когда проект формально завершен, работа авторского коллектива над темой продолжается, что вызвано как неисчерпаемостью предмета, так и развитием ситуации с академической наукой в России.

Когда проект в 2010 году еще только затевался, на горизонте российской науки уже сгустились тучи экспансивной наукометрии и, в частности, плохо переваренных библиометрических методик. Тогда казалось, что издержки процесса в основном связаны с излишним оптимизмом неопитов, считающих, что найдена отмычка от главных секретов в оценке количества и даже качества научной работы. Вместе с тем уже тогда были серьезные и небезосновательные опасения, что такого рода инструменты могут быть использованы грубо, а то и просто не по назначению. В 2011 году уже поступала информация о планах использования на местах формализованных показателей в целях едва ли не автоматического перераспределения ресурсов и вознаграждений. Пафос работы над проектом тогда был в основном задан необходимостью разгребания этой методологической и методической, а отчасти и управленческой коллизии.

Но на гребне событий, связанных с радикальным реформированием российской науки, прежде всего академической, нельзя было не обратиться и к более общим вопросам, связанным с контекстом, в котором имеет смысл и осуществляется оценка результативности процессов познания. Этот контекст имеет множество аспектов: политических, проявляющихся в связке «власть – знание»; управленческих, затрагивающих управление наукой, но и науку как инструмент управления; интеллектуальных, связанных с самосознанием и самоопределением философии, социогуманитарного знания и науки в целом в новой цивилизационной ситуации; наконец, ценностных, напоминающих, что отношение к философии и науке только как к машинам практической пользы убого и не достойно уважающего себя общества.

Если на первом этапе было важно показать некорректность методов упрощенного использования библиометрии в науке вообще и в особенности в философских и социогуманитарных исследованиях, то постепенно на первый план выходили вопросы «объемлющего» характера: как оценка результативности встроена в систему взаимоотношений в треугольнике «наука – власть – общество»; как она влияет на самосознание философии и науки и вытекает из него; как результат интеллектуальной работы проявляется не в оперативной калькуляции, а в большой истории, на которую, собственно, по-настоящему ответственное и самоотверженное познание как раз и ориентируется? С этого момента наш проект начал становиться более философским, что бывает, когда на масштабные проблемы и обобщения выводит даже не логика рассуждений, а жизненные коллизии и социальные катаклизмы.

По итогам первых двух лет работы была подготовлена и издана книга «Измерение философии. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (М.: Издательство Института философии РАН, 2012). В книге было показано, что качество имеющейся в нашем распоряжении (да и в мире) библиометрии ни в коей мере не отражает реальной результативности российской науки в целом, а философии и социогуманитарных исследований в особенности. Анализ выявил принципиальную специфику философского и социогуманитарного знания, еще более ограничивающую формализованную оценку результатов. Практика, не учитывающая эту специфику, исходит из представлений, имевших место до Дильтея и Марбургской школы, то есть до концептуального и методологического различения, которое тогда выглядело как различие «наук о природе» и «наук об обществе». Даже фундаментальное различие в ориентации одних наук на универсальное, а других на большее внимание к индивидуальному, автоматически приводит к тому, что многие направления

философских и социогуманитарных исследований в принципе не могут оцениваться по статистике международных баз данных, в частности, таких как Web of Science, Scopus и пр. – хотя бы потому, что эти исследования заточены на локальное и чем более они на локальное заточены, тем больше их реальная результативность в данном обществе, в том числе практическая.

То же происходит с политической составляющей. В то время как общество заинтересовано в более живом участии философии и социогуманитарной науки в жизни страны, а «партия и правительство» прямо на это ориентируют, общепринятая и оперативно внедряемая библиометрическая оценка результативности прямо ориентирует философов и гуманитариев на то, чтобы никакой публичной активностью не заниматься и писать тексты только для ваковских и рецензируемых журналов, а лучше для иностранных, которые тексты о самых наших животрепещущих проблемах не публикуют в принципе – и правильно делают. Мы попытались себя такими ориентирами не ограничивать, поэтому сознательно шли на сочетание фундаментальности и проблемности, на строгий анализ и элементы острой полемики, иногда почти публицистической. Иногда это сочетание может показаться эклектическим, но это представляется нам более соответствующим условиям задачи, чем искусственно нагнетаемое единство стиля.

Еще более это разнообразие подходов проявилось на втором этапе работы над проектом. С одной стороны, как уже отмечалось, логика рассуждений и событий одинаково вела к более фундаментальным обобщениям и углубленным зондажам. Например, отсутствие в стандартной библиометрии книг, оказывающихся основным модулем презентации в философии и гуманитаристике, является следствием безоглядного внедрения методик, и без того весьма условно работающих в точных и естественных науках, в совершенно иную среду. Но это же выводит и на понимание того, что в философской или гуманитарной книге одновременно присутствуют и вся машинерия «эксперимента» и обоснования, вся практика «внедрения» – то, что в естественных и точных науках вынесено за публикацию и присутствует в статьях лишь в свернутом виде.

Отсюда следует, что нынешнее подобие science policy в России вообще игнорирует фундаментальные особенности философии и гуманитаристики, а потому нуждается в том, чтобы его остановили впредь до проведения необходимого ликбеза и коррекции подходов к оценке, которая сама по себе составляет научную проблему. Но одновременно это и проблема управленческая, в чем-то даже антропологическая: надо иметь видовые особенности, чтобы внедрять методики, в развитых странах запрещенные к использованию (в том числе на законодательном уровне) как искусственно модифицирующие исследовательский ландшафт. Ситуация одновременно и провоцирующая на глубинный пересмотр ряда позиций, но и политически острая. Поэтому тексты, написанные на втором этапе, еще более развели (но и соединили) форматы академического рассуждения и публицистики с риторическими фигурами речи и острыми высказываниями. Если для кого-то это недостаток, то для нашего проекта это одна из целей: показать, что философия актуальна (в обычном смысле этого слова), только когда не стесняется острых тем и живого языка.

Когда готовилась первая книга по проекту, были два названия: «Измерение философии» и «Идеи и числа». Тогда выбрали первый вариант. Но потом оказалось, что под это название как раз лучше подходят тексты, написанные в 2013 году и вошедшие в первый раздел. Соответственно, второй раздел назван «Идеи и числа», хотя в основном состоит из текстов первой книги. В третий раздел «Science policy от отечественного производителя» мы специально вынесли тексты, в большей степени содержащие отклики на события последнего (на тот момент) времени и на развернувшиеся тогда дискуссии. К сожалению, многое из написанного тогда не утратило своей актуальности и сейчас.

Исследование проведено на базе Института философии РАН в рамках проекта «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследова-

ний» (Грант РГНФ N 11-03-00442 а). Авторский состав проекта: А.Н. Баранов – доктор филологических наук, заведующий Отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН; А.А. Гусейнов – академик РАН, директор Института философии РАН; Н.И. Лапин, член-кор. РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН; Н.В. Мотрошилова – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; А.П. Огурцов – доктор философских наук, Институт философии РАН; А.В. Рубцов – руководитель проекта, руководитель Центра философских исследований идеологических процессов Института философии РАН; Б.Г. Юдин – членкор. РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН; А.Ф. Яковлева – ученый секретарь Института философии РАН.

Авторы разделов и глав:

А.Н. Баранов – Главы 9, 11

А.А. Гусейнов – Главы 2, 12

Н.В. Мотрошилова – Главы 4, 6, 8, 10

А.П. Огурцов – Главы 3, 7

А.В. Рубцов – Вместо предисловия, главы 1,2, 12

Б.Г. Юдин – Глава 5

Раздел I

Измерение философии

Глава 1

Философия, социогуманитарное знание и власть: зеркальная оценка результативности

1. Установление и разрыв дистанции с предметом

Есть два взгляда на взаимоотношения философии и социальной науки, с одной стороны, и власти, политики, инстанций управления – с другой.

Первый взгляд более традиционен и академичен: философский и собственно научный подход предполагает максимальное дистанцирование от «злобы дня», от соблазнительных игр с властью и втянутости в политическое, что, как считается, гарантирует искомую объективность понимания и беспристрастность в оценках. В свою очередь, здесь также можно усмотреть две основные ветви: либо относиться к власти и политическому отстраненно, в качестве объективного и незаинтересованного наблюдателя-аналитика – либо вовсе избегать этих тем и заниматься предметами заведомо аполитичными, всего связанного с властью чурающимися по определению.

Другой взгляд предполагает известную включенность в процесс – в режиме экспертизы, креативного сопровождения или даже непосредственного участия в политике и управлении, например, с целью обеспечить взгляд изнутри, понимание процессов на основе собственного опыта. Здесь может иметь место также обычная гражданская позиция, не позволяющая выключаться по сугубо моральным соображениям или, например, в силу темперамента. Иными словами, включенное наблюдение может также сопровождаться прямым вмешательством в объект с целью выяснения его реакций, возможностей и пр. – почти в режиме эксперимента.

В обеих позициях есть свои плюсы и минусы, свои сильные и слабые стороны, однако скорее всего это альтернатива для личности, но не для профессии. Каждый вправе выбирать интеллектуальную, исследовательскую, наконец, просто жизненную стратегию, но для вида занятий или рода деятельности это, очевидно, позиции взаимодополняющие. Здесь не нужны даже логические рассуждения – достаточно взглянуть на историю мысли и понять, что обе традиции представлены такими именами, работами, школами и системами, что исключить какую-либо из них не представляется возможным без фатальных потерь.

Более того, в этом плане есть известная динамика. Так, после Маркса мыслить социально-политическую теорию и практику как изолированные процессы так же трудно, как представить современную, неклассическую физику без позиции наблюдателя. Постсовременная парадигма и вовсе исходит из сращения знания и власти, хотя и очень по-разному, скажем, от Мишеля Фуко («знание – власть»), Жан-Франсуа Лиотара до Ричарда Рорти. Хотя еще задолго до этого такой контакт имел место, начиная с античности, через такие фигуры, как Маккиавелли и вплоть до Карла Шмитта, взаимодействие которого с нацизмом не помешало стать одним из классиков в теории политического, в наше время, пожалуй, едва ли не самым актуализированным.

Но есть особая линия взаимоотношений философии и социогуманитарного знания как института с властью и системами управления. Это отношения сугубо функциональные, орга-

низационные, во многом просто административные и экономические. Все это бывало и бывает очень по-разному, причем как в историческом времени, так и в политическом пространстве. Интеллектуальная активность нуждается в ресурсном обеспечении, в инфраструктуре, наконец, в самой санкции на существование. Если даже вообразить себе идеальный вариант совершенно самостоятельного, самодостаточного, ни от чего и ни от кого не зависящего и ни в чем, кроме средств письма и существования, не нуждающегося интеллектуала, то и здесь мы столкнемся со своего рода нулевым, предельным случаем, пустым множеством – надо, как минимум, чтобы тебя не трогали, а это тоже вырожденный вариант все той же санкции. Еще раз, это случай идеальный и скорее даже теоретический: более реально использование интеллектуалами изошренных и множественных техник ухода от такого контроля. В конце концов, каждый, считающий, что он делает именно и только то, что хочет, всегда хотя бы мысленно тестирует ситуацию, зондирует для себя пределы возможного и знает, куда именно он не ходит и что там бывает. И соответственно, оценивает свои перспективы такого хождения на «суды нечестивых», «за флажки» и т. п. Это как решать для себя, какую пытку ты выдержишь, а какую нет (соблазн здесь тоже подходит, хотя это не совсем тот случай, поскольку честно считать себя совершенно несоблазняемым не так уже и трудно, особенно, когда никто не соблазняет).

Эта линия взаимоотношений интеллектуальной активности с властью – вещь обычно весьма неприятная, поскольку бросает тень прозаического на деятельность по определению возвышенную и такого рода бытовых деталей чужающуюся. Проще всего считать это чем-то, к работе никак не относящимся, – вынужденной причастностью к «миру сему» людей, вся уникальная ценность которых в присутствии мысли и взгляда «не от мира сего» (в высоком смысле этого выражения).

Тем не менее здесь наблюдаются весьма разные типы взаимоотношений, основанные на разных схемах превентивного, априорного, опережающего доверия, или, наоборот, навязчивого контроля. Здесь важно разделять, как минимум, цензуру содержания и контроль «производственной дисциплины». Может показаться, что это вещи практически не взаимосвязанные, однако связь тут есть и часто весьма основательная.

2. Внешняя оценка результативности как дисциплинарная техника

Прежде всего, здесь полезно лишний раз напомнить, что цензура часто (а иногда и преимущественно) работает в режиме самоконтроля и самоограничения. Не надо ничего навязывать или, наоборот, прореживать: достаточно поставить человека в такие условия, когда он сам невольно и, как правило, не признаваясь себе, будет контролировать свое письмо. Рефлексия над таким самоконтролем часто затруднена, это практика из тех, которые бессознательно вытесняются. Тем не менее это сильный механизм, и даже у фигур, выглядящих предельно свободными и независимыми хотя бы в силу нейтральности предмета исследования или концептуализации, всегда остается гипотетическое поле сработавшего самоконтроля – в зоне несказанного.

С этой точки зрения самый обычный административный контроль, проявляющийся, например, в количестве разного рода плановой, справочной и отчетной документации, является не просто капризом околонучной бюрократии, но и применением (тоже часто неосознанным) особого рода дисциплинарных техник. Человеку никто не диктует, что писать, а чего не писать, но фактически обряжают в форму и муштруют. Все приемы стандартизации формы одежды, поведения, речи и т. п. приучают к нормальной реакции на приказ, для чего все индивидуальное требует сдерживания. Заполняя многочисленные формуляры, научный работник также муштруется, как рекрут на плацу. Более того, ему показывают, каково в данный момент главное настроение власти: отпустить вожжи или, наоборот, закрутить гайки. Так демонстри-

руется вектор изменения политики, режима. А дальше каждый делает выводы уже самостоятельно. Это не всегда срабатывает прямо, но в целом это инструмент безошибочный уже на уровне выбора характера отношений. Когда научного работника вынуждают заполнять множество бумаг с весьма странными и неожиданными деталями информации о себе и своей работе, это часто начинает напоминать «Паноптикон» Бентама – прозрачную тюрьму, в которой все заключенные постоянно просматриваются из одного центра. Конечно, это разные степени проявления такого рода практики, но природа здесь одна и содержит в себе ровно то, что Фуко здесь анализировал в качестве целенаправленной дисциплинарной техники. Когда члены диссертационных советов начинают заполнять обширные анкетные листы, в которых требуется указать даже толщину корешков переплетов в опубликованных книгах, это может быть и плодом странной фантазии управленцев, но и неосознанной воспитательной мерой – попыткой расставить статусы и показать масштаб намерений управляющей инстанции в плане наращивания контроля.

По крайней мере в этом смысле эта политическая, властная и управленческая вертикаль срабатывает как единое целое, чутко улавливающее и транслирующее вниз веяния наверху. Если построить графики политической эволюции постсоветского режима, можно с математической точностью показать, как качания между либеральными и этатистскими, условно демократическими и безусловно авторитарными веяниями в большой политике с небольшим временным лагом, а то и мгновенно подхватывались средней и низовой бюрократией. Инстанции технического регулирования или инспекции ДПС делали это быстрее, органы управления наукой медленнее, но тенденция здесь общая.

Однако это процесс асимметричный. Реакционные тенденции подхватываются бюрократическим низом быстрее, но от них гораздо медленнее отказываются, когда наверху меняется политический курс в сторону некоторой либерализации. Это можно понять. Во-первых, здесь срабатывает совпадение или, наоборот, конфликт интересов. Любые ужесточения подхватываются нижними звеньями вертикали как идейно близкие или просто выгодные, в то время как ослабление контроля всегда наносит видимый ущерб аппаратным массам, причем не только финансовый, но и организационный, статусный, морально-психологический и пр. Опыт проведения институциональных реформ начала 00-х гг. (административной, технического регулирования, саморегулирования и пр.) показал, что часто эмоциональная, сугубо статусная реакция оказывается здесь даже сильнее, нежели потери в доходах на эксплуатации административных барьеров. Во-вторых, ужесточение контроля всегда связано с институционализацией, а потому ослабление контроля неизбежно оказывается более инерционным: принцип «разрушать – не строить» в аппаратно-бюрократической логике не работает, когда это касается демонтажа административных структур и схем.

В связи с этим важно отметить, что в последнее время научное сообщество явно почувствовало на себе резкое нарастание бумажного документооборота, связанного с необходимостью представления множества планов, отчетов и справочных материалов. Эта тенденция проявила себя еще до начала открытой стадии подготовки реформы РАН, но набрала силу буквально в последние годы. По некоторым оценкам интенсивность документооборота превысила уже и советский период. С одной стороны, это может быть связано со сложностями регулирования контента без прямой цензуры, а с другой – с упрощенными возможностями саморазрастания бюрократии. Как бы там ни было, непосредственной мерой оценки, а главное, самооценки результативности аппаратной работы было и остается количество «входящих» и «исходящих», производство которых должно быть налажено в промышленных масштабах. Если убрать этот показатель, а соответственно, и само это массовое занятие, могут возникнуть подозрения в бесполезности многих подразделений и целых административных органов. В связи с этим периодически высказываются предложения наладить встречный процесс – формализованной оценки результативности работы управленческих инстанций, в том числе по

количеству, качеству, а главное, по реальной эффективности циркуляров, запросов и ответов с учетом мнения научного сообщества и с привлечением зарубежных экспертов, как это имеет место в планах по оценке результативности российской науки. Эти идеи не столь экзотичны, как кажется, поскольку формализация оценки результативности решений и действий постоянно находится в планах и самой власти.

3. Регулярная отчетность и защита от прессинга как философско-методологическая коллизия в науке

Но нельзя не отметить своеобразного мобилизующего влияния, которое периодически оказывает на научное сообщество столкновение с разного рода административным давлением. В целом это, конечно, отвлекает, а часто и крайне раздражает. Необходимость отписываться на все новые и новые задания, касающиеся планово-отчетной документации, вызывает в научном сообществе особенно эмоциональную реакцию по целому ряду причин.

Прежде всего это люди, как правило, работающие много и заведомо вне формально установленного рабочего времени. Поэтому дополнительная нагрузка, к тому же представляющаяся большей частью бессмысленной, выглядит здесь особенно несправедливым обременением, а то и просто издевательством. Выглядит это примерно так: люди, с трудом способные выдавить из себя несколько циркулярных страниц за целые месяцы напряженной умственной и аппаратной работы, вынуждают писать ненужные справки ученых (например гуманитариев), пишущих свои авторские, научные тексты не по заданию, а по долгу творчества, иногда по несколько страниц в день или в ночь.

Кроме того, здесь важно также, что ученым, связанным с точным или гуманитарным знанием, часто довольно сложно переходить на язык бюрократической формализации, вписываться в не свой стиль, а главное, участвовать в играх, представляющихся им не просто лишними, но и крайне плохо подготовленными. Усугубляет проблему также то, что конкретные позиции отчетности никак не комментируются извне с точки зрения их реального смысла; их необходимость не обосновывается, даже не проясняется, а дается явочным порядком. Если информация о толщине корешков издаваемых книг зачем-то нужна, пока это не пояснено, такой запрос выглядит в глазах ученых абсурдным, а то и просто требующим диагноза. Это же обстоятельство демонстрирует и особенности стиля отношений, которые административные инстанции пытаются выстраивать как сугубо односторонние и категоричные. Отвечать на запрос положено, а разбираться в смысле запрашиваемой информации – нет. Для людей с научным стилем мышления, натренированной логикой и хотя бы некоторой долей самоуважения это серьезное испытание.

Вместе с тем представителям научного сообщества свойственно творчески реагировать на любые коллизии, в том числе и на такие примитивные, как описанные выше. По мере того, как научные сотрудники осваивают шаблонные приемы заполнения пунктов различных циркуляров, раздражение иногда начинает сменяться размышлением – уже собственно научной проблематизацией, даже рефлексией. В качестве содержательных всплывают вопросы:

– что, собственно, происходит в стране, какие социальные и общеполитические тенденции эти свежие веяния в стиле регулирования научной деятельности так убедительно выражают?

– какие особо грубые концептуальные, методологические и методические ошибки имеют место в новых стратегиях контроля и регулирования науки?

– в чем заключается специфика научной деятельности (в том числе социогуманитарных и философских исследований), запрещающая применение в этой сфере способов упрощенной формализации оценки результативности, да и методов внешнего управления и контроля в целом?

Иными словами, сама эта коллизия становится предметом эмпирической систематизации, анализа и концептуализации. Если наш проект называется «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований», то есть посвящен прежде всего проблемам собственно науки и ее информационной обработки с соответствующими выводами, то логичным продолжением такой работы должно было бы стать научное исследование самих практик внешнего управления и контроля со сбором эмпирической информации, со статистикой и средствами визуализации (таблицами, графиками, диаграммами), позволяющими понять масштабы бедствия и сравнить нынешние практики внешнего контроля с опытом советской науки или с периодом 90-х и даже 00-х, а также с прогрессивным мировым опытом.

Такого рода компаративистика, в свою очередь, открывает целый ряд методологических и методических возможностей.

Прежде всего необходимо выяснить, каким образом может быть обеспечена здесь привязка к национальной, отечественной традиции, а также какие стратегии диктует учет особенностей местных условий и в первую очередь состояния государства, его реформаторского потенциала. Иными словами, здесь важно понять, как можно избежать очередных революций, ни к чему хорошему, как правило, не приводивших, а также выяснить, какие у нас в данном случае есть основания считать, что реформу науки не постигнет участь буквально всех прочих реформ, до настоящего времени начинавшихся в Российской Федерации и в ней же благополучно захлебывавшихся, часто с большими потерями и ударом по репутации.

Далее имеет смысл подвергнуть внешней (международной) экспертной оценке не только результативность отечественной науки, но и сам проект реформы, а главное, все, что будет происходить после принятия закона – на уровне подзаконных актов и конкретных организационно-управленческих решений.

Опыт административной реформы и реформы технического регулирования показал, что зарубежные (а у нас это почти без исключения западные, прежде всего европейские) эксперты обычно сразу делятся на две группы. Одни представляют европейскую бюрократию и родственные ей структуры, а потому подходят к сравнению ситуаций в РФ и ЕС более формально; таким специалистам бывает проще внушить, что наш план реформ в целом более чем соответствует «мировому цивилизованному». Специалисты, непосредственно, практически работавшие в российских условиях и знающие наши реалии, лучше понимают, что «формально безупречное» и почти текстуальное перенесение на российскую почву западных моделей сплошь и рядом приводит к закреплению, а то и усугублению худших сторон российской практики, связанных с неэффективностью управления, коррупцией и развалом целых отраслей.

Одним из методов, точнее приемов, позволяющих сравнительно корректно проводить такого рода компаративистский анализ, является мысленный эксперимент следующего содержания. Экспертам (российским, но прежде всего западным) предлагается не переносить в Россию западные модели и формальных схемы, а наоборот, оставить в Европе их нормативную базу и модели управления, но мысленно перенести туда наши министерства и ведомства с их стилем общения, административными навыками и кадровым составом, наши возможности разрешения конфликтов между властью и гражданами, в данном случае представителями научного сообщества, наши экономические возможности и криминальные или полукриминальные практики их использования... После такого мысленного эксперимента лишние дискуссии, как правило, прекращаются.

Однако все это не снимает реальной проблемы нового диалога науки с обществом – важнейшей черты постнеклассической стадии развития знания. Уже сейчас видно, что формализованная оценка результативности отечественной науки используется не только как якобы валидное основание для принятия управленческих, организационных и даже политических решений, но и как средство формирования общественного мнения в отношении науки

вообще и гуманитарного знания в частности. Такое отношение в период прохождения закона о реформе академической науки формировалось как заведомо негативное. Предвзятость здесь была так же очевидна, как и слабая осведомленность в самих основах научной библиометрии. Но в то же время здесь обозначился явный дефицит готового контента, который российская наука могла бы оперативно представить обществу как альтернативный материал, демонстрирующий ее реальное состояние, достижения, перспективы и востребованность – в настоящем и будущем. Выяснилось, что если наука не занимается выстраиванием такого диалога с обществом и властью, она рано или поздно все равно оказывается перед необходимостью защиты себя, но уже не как защиты проекта или диссертации, а как защиты от внешнего нападения. При этом всегда оказывается, что выстраивание альтернативной точки зрения на состояние и перспективы науки элементарно опаздывает и нередко превращается в размахивание руками после драки.

Как бы там ни было, часто именно внешние атаки заставляют научное сообщество в спешном порядке компенсировать дефицит адекватной и хорошо репрезентированной самооценки. Классический пример здесь – история с «Философским домом» – зданием Института философии РАН (Волхонка, 14), на которое два десятилетия претендовал находящийся по соседству Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Когда угроза стала реальной, Институтом была собрана огромная по объему, почти исчерпывающая и более чем авторитетная информация о достижениях отечественной философии в лице ИФ РАН, а также о мировом статусе этой исследовательской организации, об отношении к ней и к ее работе со стороны мировой философской и социогуманитарной научной общественности. Это позитивное отношение, в частности, было выражено такими предельно авторитетными именами и исследовательскими центрами, что может рассматриваться в качестве своего рода международного аудита научной деятельности Института философии РАН. В сравнении с весом такого «аудита» все статистические выкладки библиометрии, к тому же основанной на ущербной и некорректной статистике, оказываются избыточными и создающими заведомо ложную картину¹.

При этом в любом случае надо учитывать, что сколь угодно полная и точная статистика публикаций, индексов цитирования и пр. не дает автоматической и формально исчислимой оценки, а лишь создает один из образов положения дел. С этой точки зрения переписка такого рода (подобная упомянутой выше) всегда дает другую составляющую образа интегральной оценки, причем гораздо более точную, существенную и весомую. Одно дело, когда оценку дают мировые авторитеты, а другое, когда это делает функционер на основе сомнительной статистики и с некорректным использованием методик, не говоря о методологии.

Но как бы там ни было, в целом приходится констатировать, что наше научное сообщество далеко не в полной мере оказалось отмобилизованным для отражения обвинений в слабой результативности большинства исследований. Кроме того, в нужный момент не оказалось модели оценки результативности, которая была бы альтернативной грубым формализациям и вместе с тем основывалась бы на методологии, более объективной и приемлемой для самого научного сообщества.

Это обстоятельство является на данный момент весьма критичным, в особенности в связи с тем, что традиционные формы оценки результативности (репутация, признание, «кредитная история» исследователя) оказались в последнее время существенно девальвированы тем, что научное сообщество не смогло в должной мере противостоять проникновению в него сомнительных работ и персонажей под давлением политики, власти и бизнеса.

¹ См. перечень материалов, поступивших в адрес первых лиц государства, органов власти и самого ИФ РАН, содержащих оценку научной и общественной деятельности Института. – Волхонка, 14. Место имеет значение. М.: ИФРАН, 2010.

Но гораздо важнее тот факт, что сталкиваясь с проблемой самооценки и экспликации собственной результативности, а в более широком смысле и с проблемой обоснования своей нужности обществу (более пафосно говоря, человечеству), наука вновь и вновь, а часто и на совершенно новом уровне обращается к пониманию собственных оснований, к иному толкованию смысла научной деятельности. При этом вновь проявляются, разделяясь, смыслы утилитарные и сверхутилитарные, всплывают проблемы «ценности для» хотя бы и для самых высоких целей – и самооценности познания.

С этой точки зрения оказывается особенно важным проводить различия между двумя основными типами наук и в полной мере учитывать специфику собственно социогуманитарного знания, а тем более философии.

4. Специфика социогуманитарного знания с точки зрения анализа его ценности и оценки результативности исследований

В первом издании результатов данного проекта, в книге «Измерение философии. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (материалы этой книги большей частью вошли и в настоящее издание), были отмечены многие обстоятельства, делающие нерелевантным использование стандартной библиометрии применительно к философии и социогуманитарному знанию. Далее эти факторы будут описаны и проанализированы более подробно. Здесь же важно исследовать фундаментальные особенности философского и социогуманитарного знания в связи с возникновением этих факторов.

В принципе, для непредвзятого взгляда достаточно было бы сослаться на опыт ряда передовых с точки зрения развития науки стран, в которых использование библиометрии (библиометрики) просто-напросто запрещено в отношении целого ряда точных и естественнонаучных дисциплин и для гуманитарных наук в целом. В частности такой запрет введен в Великобритании, причем не каким-либо ведомственным актом и даже не правительственным решением, а именно актом парламента, то есть на законодательном уровне. В нашей ситуации такой опыт часто игнорируется; при этом применяются устаревшие, а то и запрещенные методики, выдаваемые за последнее слово в оценке результативности мировой науки. Однако в нашем исследовании (по крайней мере в этой его части) важнее проанализировать глубинные свойства философской и социогуманитарной науки, делающие такие запреты фундаментально обоснованными. Здесь парадоксальным образом аналитическая и административная практика наводит на размышления о специфике гуманитарного, а не наоборот, когда дедукция из фундаментальных посылок дает конкретные, практические выводы.

Одна из наиболее очевидных лакун, делающая использование стандартных библиометрических методик нерелевантным применительно к нашему предмету, связана с тем, что основные используемые в экспертизах базы данных работают со статьями, но не с книгами, в то время как в гуманитарных науках и философии именно книга является основным модулем представления результатов. Далее эта проблема обсуждается в нашей книге более подробно, но здесь важно понять, с чем вообще связано это различие. От понимания этого вопроса зависит и сама интерпретация результата в науках разных типов.

Одним из аргументов, которые приводят для снятия напряжения в этом вопросе, является следующий: неявно подразумевается, что основные результаты книг сначала все равно публикуются в статьях, предваряющих сводный результат. Это позволяет апробировать гипотезы и предварительные выводы, оценить реакцию и при необходимости скорректировать текст или даже саму позицию в книге.

Контрдовод здесь заключается в следующем. Такое двухступенчатое представление результатов, конечно, имеет место, но вовсе необязательно, и если это не учитывать, из ана-

лиза выпадут целые издания, выдающиеся результаты, а то и сами авторы, предпочитающие работать в большой форме, а статейный формат считающие сугубо вторичным и служебным.

Далее, можно считать достаточно редким случай, когда книга механически нарезается на главы, предварительно публикуемые в виде статей в рецензируемых и иных журналах. Гораздо чаще, если что-то и печатается в статейном формате, то лишь часть или отдельные выжимки. И тогда возникает вопрос, можно ли в принципе сводить содержание книги как результат к такого рода экстракту или изыятиям?

Статья в естественных и точных науках является концентрированным изложением выводов большой предварительной работы, чаще многолетней. За публикацией может стоять крайне длительный и сложный эксперимент, который, собственно, и есть та скрытая работа, что обеспечивает публикуемый результат. Этот эксперимент может быть мысленным, когда, скажем, для обоснования вывода приходится перебирать многочисленные варианты и версии, гипотезы и схемы доказательств. Это сути не меняет: работа остается за кадром, презентуется ее итог, и это нормально.

В социальных и гуманитарных науках бывает нечто подобное, но это далеко не самый частый случай и тем более не правило. Чаще сама книга, ее текст в полном объеме как раз и является одновременно и доказательством как «предварительным экспериментом» и, как ни странно, «внедрением результата». В этом смысле пресловутая проблема внедрения должна быть отчасти пересмотрена. То, что, например, в технических науках является продолжением ранее проделанной фундаментальной и прикладной работы, в гуманитарном знании сплести и рядом входит в состав одного и того же издания, когда сначала эксперимент и эмпирия обобщаются, систематизируются, анализируются и выводят на доказуемые гипотезы и обоснованные выводы концепции, а затем тут же все это рассматривается в сугубо прикладном ключе и излагается в формате, который по аналогии с техническими науками можно было бы защищать патентами и рассматривать как опыт внедрения.

Эти сравнения отнюдь не являются упрощением и чем-то поверхностным. Здесь заложено принципиальное различие. Внедрение в точных, естественных и технических науках осуществляется вне текста. Такое возможно и в социогуманитарном знании, когда так называемые практические выводы и рекомендации получают «утилизацию» в разного рода проектах, программах и реальных действиях, например, общественно-политического или социально-экономического характера. Эта сторона «внедрения» здесь легко учитывается, в частности заполнением граф, в которых указывается, в какие органы власти были направлены те или иные материалы, подготовленные в том числе на основании исследований и разработок, представленных в статьях или книгах. Однако в философской и социогуманитарной работе гораздо важнее тот факт, что реальным и самым что ни на есть практическим внедрением текста является его... чтение. Эти области знания работают с сознанием непосредственно, а если и опосредованно, то тоже через сознание. В точных, естественных и технических науках реализация в итоге должна осуществиться в материале или, как минимум, в проекте, который, в свою очередь, также предполагает «физическую» реализацию. В философии и гуманитаристике главным и конечным пунктом приложения усилий является изменение сознания (в самом широком смысле этого слова, то есть с учетом всех возможных изменений ментальности, поведенческих стереотипов, автоматических реакций, психологического и эмоционального строя и пр.). В этом смысле «внедренческой площадкой» для философии и социогуманитарной науки является весь объем текста, со всеми его логическими, эстетическими, психологическими и пр. нюансами. Здесь потенциал суггестии и иллюкутивная сила текста часто не менее, а то и более важны, чем чистое ратцо. Естественно, никакими компактными изложениями результатов большой работы в статейном формате этот потенциал книжного текста не передается.

Важно также учитывать различия в политике цитирования в обычных статьях и в книгах, а также в статьях большого и особо большого формата. В первом случае ссылка на статью озна-

чают прежде всего ссылку на полученный результат. Во втором случае не менее, а то и более часто встречаются цитаты, приводящие высказывание, но не интегральную мысль работы в целом и даже не какую-либо ее второстепенную идею. В этом случае ценность цитирования и связанных с ним ссылок с точки зрения оценки результативности резко снижается: понятно, что удельный вес ссылки на концепцию работы или цитаты отдельного суждения весьма различен. Кроме того, такой способ цитирования многократно облегчает целенаправленное взаимное накачивание перекрестными цитатами с целью искусственного повышения показателей цитируемости.

Таким образом, мы оказываемся в парадоксальной, внутренне противоречивой ситуации: с одной стороны, не учитывать книги в философии и гуманитаристике нельзя, а с другой – статистика ссылок и цитирования здесь имеет существенно иной смысл и оценочный потенциал, нежели в стандарте научной статьи в позитивных науках.

Здесь важно также учитывать, что влияние текста на сознание осуществляется необязательно в непосредственном контакте читателя и книги. Помимо непосредственного чтения есть еще расширение влияния текста через множество медиаторов разных ступеней и векторов. Этот факт не только задает новые, дополнительные требования к оценке результативности философских и социогуманитарных исследований, но и подводит к более сложному пониманию процессов функционирования такого рода текстов в научном и общественном смысловом пространстве.

5. Особенности жизни философского и гуманитарного текста. «Расширенное воспроизводство» и «негативная герменевтика»

В свое время автор данной главы специально рассматривал особенности этих процессов в своем разделе неопубликованной монографии «Бытие сознания», которая готовилась в Институте философии РАН под руководством Б.А. Грушина. Раздел назывался «Функционирование сознания. Процессы расширенного воспроизводства» (наряду с процессами производства, распространения, обмена как «простого воспроизводства» и развития). Речь шла о смысловых мутациях в процессе понимания текста и его дальнейшей ретрансляции. В живой реальности, если уж совсем без абстракций, эти содержания воспроизводятся именно расширенно: люди чего-то не понимают или недопонимают, толкуют чужие слова и тексты по-своему, ретранслируют их в измененном виде и творчески развивают в зависимости от особенностей своей ситуации или от изменений во времени. Строго говоря, в жизни только расширенное воспроизводство и есть, а если даже допустить возможность простого воспроизводства сознания, то это был бы частный, редуцированный, предельный случай или даже просто пустое множество. Как-то трудно допустить абсолютное тождество содержаний хотя бы в двух коммуницирующих сознаниях, хотя бы это и были стопроцентно родные души. Более того, рассматривалась также концепция «негативной герменевтики»: в определенных ситуациях интегративную роль может играть не понимание (как это постулировано феноменологической социологией), а именно моменты непонимания, не осознаваемого изменения смысла. В советской модели эти факторы были особенно значимы, поскольку именно они позволяли консолидировать общество на мутирующих или специально трансформируемых смыслах как в социальном пространстве (между разными социальными группами и массовидными образованиями), так и в историческом, политическом, идеологическом и т. п. времени.

Специфика такого рода процессов состоит в том, что дробление и растаскивание смысла, его видоизменение, на определенных этапах и в определенных ситуациях играет именно интегрирующую роль: текст трактуют как свой самые разные субъекты-интерпретаторы. Схема интеграции через непонимание в полной мере работала в идеологии советского периода, когда одни и те же канонические тексты идеологии воспринимались по-разному в разных точках

социального пространства и по-разному трактовались в разные периоды времени. Но при этом выявление разночтений такого рода всегда было надежно заблокировано. Нетрудно представить себе, какие трещины прошли бы в советском обществе, идеологически интегрированном на этих разночтениях, если бы политическим и социальным субъектам стали прозрачны сознания их контрагентов и они бы увидели, что в действительности эти контрагенты имеют в виду, когда озвучивают те или иные идеологические тексты. У Лессажа хромой бес «вскрывает» крыши ночных домов и показывает студенту ночную жизнь горожан. Этот образ использовался еще в рукописи четвертой главы «Бытия сознания». Если бы можно было, как снятием крыши, вскрыть черепные коробки социальных субъектов советского общества и показать их содержимое всем заинтересованным лицам, они увидели бы, насколько в действительности различно понимаются одни и те же интегративные символы. Например, в партаппарате, в отделе пропаганды, у прогрессивно настроенной интеллигенции и в мозгах пролетариата. Или, например, в разных республиках СССР, в которых идеологические модели могли превращаться во что угодно, осаживаясь на местную традицию, будь то Центральная Россия, Средняя Азия или Прибалтика. Если бы не эти скрытые разночтения, якобы «идеологически единое» общество разорвалось бы, как старый снаряд.

Феноменологическая социология пыталась решить главный вопрос: каким образом общество интегрируется посредством того, что люди каким-то образом все же понимают друг друга. Но выяснилось, что некоторые парадоксальные реалии идеологической работы и жизни показывают, что общество в не меньшей мере может интегрироваться именно через непонимание, через неосознанные мутации смысла, не воспринимаемые как таковые. Исследуя такие ситуации, впору говорить о своего рода негативной герменевтике, которая в равной мере продуктивна и в синхронных, и в диахронных контекстах. Так, марксизм по-разному понимался в разных точках социума и даже соцлагеря, что позволяло ему быть эффективно интегрирующей идеологией. Как только что было показано, он же весьма по-разному понимался в идеологическом отделе ЦК, прогрессивной партийной журналистикой, представителями «философии оттепели» (например, у тех же «диалектических станковистов») и идейно озабоченной творческой интеллигенцией, или, скажем, в рабочей среде, в системе партполит-просвещения. Достаточно разный марксизм исповедывался примерно в одно и то же время в СССР, в Китае и на Кубе или в бунтующей Франции. Но этот же марксизм весьма неоднозначно понимался и на разных этапах жизни советского общества. Можно утверждать, что на протяжении советской истории мы пережили несколько разных марксизмов. За этот период Запад сменил ряд господствовавших философий и политических теорий, переходя от одной доктрины к другой, тогда как СССР все это время упорно перечитывал и переосмысливал одну и ту же философию. Или вчитывал, если воспользоваться термином Мандельштама. Идентичность «лейбла» сохранялась, но начинка активно правилась, что и обуславливало повышенные интегративные возможности идеологии.

Хотя интегративность такого рода может быть поначалу очень эффективной, в конечном счете она так или иначе оказывается весьма неустойчивой. В чем-то это напоминает российский способ ведения коммерческих дел, когда люди быстро и легко сходятся в начале предприятия, не проговорив все до конца и, по сути, сдружившись на недопонимании друг друга – а потом скандально, иногда со стрельбой, расходятся после вынужденного прояснения исходных позиций. В начале 90-х это вообще было явление повальное.

Нечто подобное произошло с марксизмом. Он не сменился в ряду других не менее достойных предшественников и преемников в идейном окормлении общества (как это бывает в спокойно «ротируемых» идеологиях), а именно обрушился: был всем, а стал ничем. Причем во многом незаслуженно – если иметь в виду суть самой философии, а не способ ее трансляции и функционирования в идеологии и политике. Если Делёз и Гваттари могут спокойно выносить термин «капитализм» как концептуальный даже в название книги, то в нашей философской

и политологической лексике это слово почти перестало употребляться. Типичная для нашего этикета ситуация: капитализм есть, а слова такого нет.

Все это приводится здесь для иллюстрации и обоснования мысли о том, что философский и гуманитарный текст существует в совершенно ином режиме, нежели в прочих науках, и это нельзя не учитывать при выработке подходов к оценке его «результативности» – начиная с выбора «модуля» (статья в журнале или сборнике, глава в коллективной монографии, книга). В философии и гуманитаристике, по большому счету, содержание вообще неотделимо от формы. Иначе изложенная философская или гуманитарная концепция во многом будет уже другой концепцией. В постмодернистской философии это категорично, радикально и утрировано, например, у Ж. Делёза и Ф. Гваттари в «Ризоме», в «Тысяче плато» прямо говорится о том, что форма такого рода текста в определенном смысле и есть его содержание. Это еще один довод, показывающий, насколько варварской выглядит оценка результативности философских и социогуманитарных исследований без учета именно книжного формата. Более того, дело даже не в локальной ошибке, хотя бы и грубейшей, а именно в полном непонимании специфики предмета, выражающемся в том, что вопрос о такой специфике здесь не ставился, не ставится и даже не имеется в виду.

6. Философия в истории знания. «Ценность изделия» и «модели прогресса»

Как только ставится вопрос о текущей, оперативной оценке философских исследований, тут же автоматически должна возникать и проблема гораздо более общего характера: как оцениваются философские концепции в самой истории философии, можно ли здесь вообще говорить о развитии, прогрессе и т. п., по крайней мере в обычном смысле этих слов? В итоге может оказаться, что постановки такого рода вопросов, обычные для позитивной науки, в данном случае некорректны или вовсе лишены смысла. И тогда надо искать какие-то совершенно иные подходы к оценке интеллектуальной работы в области философии.

В этом плане принципиально важно разобраться в сопоставлении того, что можно было бы условно назвать «моделями прогресса», имеющими место в истории науки, искусства и философии. Для тех, кто понимает, насколько все непросто с использованием самого понятия прогресса применительно к данным видам интеллектуального и художественного творчества, сразу оговоримся, что именно об этом и пойдет речь. Более того, здесь будет учитываться и особо критическое отношение к самой идее прогресса, с которым мы столкнулись в ситуации постмодерна. Но даже если понятие прогресса будет здесь в значительной мере дезавуировано, это не значит, что анализ истории науки, искусства и философии в этом аспекте не продуктивен. В данном случае отрицательный результат тоже будет результатом – и каким!

Для такого сопоставления надо найти общее понятие, которое могло бы включать в себя одновременно все, что производится в этих видах деятельности. Допустим, в науке это теория, в искусстве – произведение, в философии – концепция. В принципе можно было бы все это считать «произведениями», и это подчеркивало бы, что нас в данном случае интересуют прежде всего формальная оценка и форма процесса, а не конкретные содержания. В этом смысле вполне можно говорить о произведениях не только в художественном, но также и в научном и философском творчестве. Точно так же можно было бы говорить и о произведениях техники. Однако, чтобы снять налет некоторой избыточной пафосности, можно также пользоваться во всех этих случаях и вовсе приземленным, прозаическим термином – «изделия». Это слово сразу вводит возвышенные виды творчества в нормальный обиход, в котором люди так или иначе производят «вещи», даже если это шедевры искусства, научные построения или философские прозрения.

Если для начала взять техническую сферу, то здесь можно увидеть модель линейного прогресса, в котором последующие изделия по целому ряду основных параметров очевидно превосходят предшествующие. Все необходимые оговорки здесь известны, но они не отменяют именно кумулятивного прогрессизма техники. Так, каждый принципиально новый автомобиль разгоняется до 100 км в час за меньшее количество секунд и потребляет при этом меньше топлива. Понятно, что это движение к совершенству ограничено лишь скоростью света и пределом сто процентного КПД. Еще раз: можно сколько угодно оспаривать линейность этого развития, да и сам факт прогресса (например, исходя из экологических, моральных, физиологических и прочих соображений), однако прогресс собственно технической составляющей здесь все же остается принципом, таким же неоспоримым, как, скажем, наращивание мощности вычислительных машин.

Если ограничиться классической фазой и не заходить на территорию постмодерна, то аналогичный прогресс обнаруживается и в науке, в движении познания. Схема была примерно та же: есть абсолютный умопостигаемый предел познания – сама по себе «объективная реальность» или истина в последней инстанции, к которой можно приближаться асимптотически, никогда ее не достигая. Пределом формализации этой модели прогресса в истории науки был так называемый принцип соответствия, согласно которому каждая новая парадигма включает в себя предыдущую как частный случай: классическая механика как частный случай общей теории относительности, общая теория относительности как частный случай специальной теории относительности и т. д. Сейчас уже ясно, что все оказалось гораздо сложнее, но для целей нашего рассуждения можно принять этот принцип как основополагающий для понимания модели прогресса в науке.

Можно сказать, что искусство в этом плане устроено прямо противоположным образом: здесь нет прогресса в обычном смысле слова, и каждое новое шедевральное изделие (а только они и представляют искусство в самом строгом смысле слова) ни в коей мере не является усовершенствованием предыдущего – ни в авторской биографии, ни в истории течения, жанра, вида искусства, художественной практики в целом. Если в истории науки мы видим восходящий график, то история искусства – это горизонт, на котором располагаются равновеликие, равноценные «экземпляры совершенства».

В существовании такой практики для человека и человечества есть свой глубинный смысл. Во всем прочем человек может лишь приближаться к идеалу совершенства, но при этом всегда остается непреодолимой дистанция до этого идеала, и ее наличие рождает некоторый комплекс. Тогда возникает особый род деятельности, который в рамках культа формы («целесообразность без цели» и «закономерность без закона» в эстетика Канта) достигает этого нигде более не достижимого совершенства, производя изделия, принципом качества которых является банальное «ни прибавить, ни убавить». Смысл этого художественного перфекционизма по-разному проявляется в разных ракурсах, но он по своему значению универсален и относится даже к науке².

В этом смысле философия занимает некоторым образом промежуточное положение между позитивной наукой и искусством, художественным творчеством. Здесь в истории есть одновременно и лестница, и плато, восходящий график и горизонталь. Платон, Кант и Хайдеггер в истории философии, а главное, и в актуальной философии текущего времени соотносятся друг с другом не как Пракситель с Роденом или Бах с Вагнером, но и не как Ньютон с Эйнштейном. Здесь своя модель «горизонтального прогресса», и это имеет прямое отношение к пресловутой проблеме оценки результативности. Даже если вы оцениваете сопоставимое значение того или иного философствующего автора только на фоне его коллег-современников,

² См.: Рубцов А.В. Художественное произведение как модель «завершенного» познания // Вопросы философии. 1979. № 10. С. 110–121.

вы уже совершаете фатальную ошибку: в потенциале здесь диалог ведется сразу со всей историей философии, с любым автором на выбор, и никогда не известно, что именно из написанного сейчас всплывет завтра в качестве предельно актуализированного, причем не только в профессиональной философии, но и в обычной истории идей. С этим приходится считаться; если же этого не учитывать, вы попадаете в положение человека, решившего заняться венчурным бизнесом на минимальном, а лучше вовсе исключенном риске. Идеология аудита результативности пока именно так и выглядит, хотя это вряд ли разумно даже на сугубо бытовом уровне. Например, среди рыболовов популярна следующая мудрость: если вы не отрываете блесен, значит, вы не там ловите.

Если же не ограничиваться классической фазой, но взять также постнеклассическую науку, более или менее новое в художественной практике (например, актуальное, серийное и т. п. искусство) и постмодернистские опыты в философии, идеология прямого рейтингования результативности окажется здесь еще более сомнительной.

На этом фоне такого рода аудиты результативности выглядят применительно к философии и социогуманитарным наукам тем более странными, что капиталоемкость этих исследований исчезающе мала в сравнении с современной наукой, требующей порой гигантских вложений, а потому и нуждающейся в осмысленном выборе приоритетов, стратегических направлений. Формализованный мониторинг результативности в гуманитаристике может оказаться много дороже, чем потенциальная экономия, а то и исследования в целом по крайней мере в проблемной зоне, то есть вне того поля, значение которого очевидно и не обсуждается.

И наконец, проблема радикального изменения моделей прогресса в постсовременную эпоху. Не говоря уже о принципиально важном отказе от идеологии линейного прогрессизма в истории вообще и в истории чего бы то ни было, в том числе философии, искусства и науки, здесь имеет место своего рода конвергенция моделей прогресса, выражающаяся в стирании отличий между ними и в их заметном сближении. Новейшая наука пересматривает модели линейного прогресса в позитивном познании; художественная практика (например серийное искусство) по-новому выстраивает взаимоотношения и между изделиями, и в их исторической последовательности; философия постмодерна и постмодернизма также существенно иначе вписывает свои произведения в процессы познания и практики, нежели это было в эпохи классики и модерна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.